

ПОСЛѢДНІЯ ИЗВѢСТІЯ

Редакція; РЕВЕЛЬ, Вышгородскій бульваръ
(Toompere puistee), № 17-A, кв. 14.
Контора: Ратушная площадь (Suur turg), 17
Редакторъ принимаетъ съ 8 до 9 ч. в.
Контора открыта съ 9 до 4 часовъ.
Телеф. конторы 18-88 — Телеф. редакціи 20-40.

ЦѢНА ОТДѢЛЬНАГО НОМЕРА — 7 МАРОКЪ.

Подписная плата.	1 мѣс.	3 мѣс.	6 мѣс.	1 годъ.
Безъ доставки	150	405	765	1440
Съ доставкой въ Ревель	165	450	855	1620
Съ доставкой въ Эстонію	180	495	945	1800
За границу	240	675	1305	2520

Подписка принимается только съ 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца.

ОБЪЯВЛЕНІЯ:

За 1 м. в. въ 1 столбецъ на 4 стр. — 4 мрк., на 1 стр. —
10 мрк., въ текстъ — 12 марокъ.
Присканіе мѣста и розыскъ эмигрантовъ — 1 марка.
Иностранныя объявленія — въ полтора раза дороже.
За перемену адреса — 10 марокъ.

Статьи для помѣщенія въ газетъ просятъ присы-
лать по адресу редакціи, на имя Р. С. Ляхницкаго;
онѣ должны быть четко написаны на одной сто-
ронѣ листа за подписью автора и съ адресомъ.
Редакція оставляетъ за собой право сокращать и
измѣнять рукописи. Непринятые рукописи не
возвращаются.

Художественники въ Ревелѣ.

„Вишневый садъ“.

Въ субботнемъ и повторенномъ вчера спектаклѣ группа московскихъ художниковъ вѣрна основному сценическому тону своего театра настолько же, насколько разрушаетъ былую традицію толкованія самой чеховской пьесы.

Это — „Вишневый садъ“, уже срубленный современностью.

Новизна подхода въ томъ, что „грѣхи“ „вишневого сада“ подчеркнуты, и никакой идеализации „милой безвольности“ его хозяевъ нѣтъ.

Талантливая М. Н. Германова всѣмъ обликомъ утверждаетъ въ Раневской и „хорошую мамочку“, и „порочную женщину“, не затушевывая послѣдняго. Она безалаберна больше, чѣмъ добра. Бросается деньгами не отъ „соболезнующаго сердца“, а чтобы скорѣе отдѣлаться.. Она — мать, но на минуту становится дразнящей женщиной даже съ Петей, студентомъ, женихомъ дочери.

Новизна обяательной М. Н. Германовой — лучшая въ спектаклѣ новизна. П. О. Шаровъ идетъ еще дальше въ развѣнчаніи образа Гаева: не щадитъ этого „восьмидесятника“. Гаевъ — эгоистъ; говоритъ не отъ сердца, а по инерціи. Гаевъ — самолюбивъ и неспособность сознать себя неправымъ. Задача — неожиданная, трудная, но въ двухъ первыхъ дѣйствіяхъ актеръ вполне оправдывается ее деталями игры. Въ послѣднихъ — много блѣднѣе.

Новый хозяинъ вишневого сада, мужиковатый дѣлецъ Лопахинъ, въ исполненіи Н. О. Массалитинова тоже сознательно лишенъ нѣкоторыхъ чертъ „пріятности“, которая все-таки была у размашистаго Леонидова. При всей продуманности и мастерствѣ игры стараго „художника“ вышняя лѣпка Лопахина, на мой взглядъ, несходна съ чеховской.

Варя — М. А. Крыжановская безупречно хороша. Нѣтъ нужды критически вскрывать „задуманное“ актрисой. Она, не задумываясь, превратилась въ „монашку“ и хлопотунью пріемыша.

В. М. Гречъ, безъ намека на утрировку въ жестѣ и въ акцентѣ, — правдиво-нестественная Шарлотта Ивановна. Несложная, какъ карточный фокусъ, загадка для всѣхъ и для самой себя:

— Кто я такая? Я не знаю. Никто не знаетъ.

Л. М. Левицкая и В. Г. Орлова не выделяются въ роляхъ Ани и Дуниши.

Превосходенъ старикъ Фирсъ — П. А. Павловъ. Созданный имъ образъ вытѣсняетъ для меня образъ перваго создателя этой роли, покойнаго Артема П. А. Павловъ усиливаетъ значеніе этой фигуры, единственной — до конца съ „Вишневымъ садомъ“, изъ-за него и рада него.

Преданъ хозяйству и легкомысленно преданъ имъ.

С. М. Комиссаровъ — простота и безыскусственность въ роли Симеона-Запищика. Добрый и недалекий старикъ. Есть въ текстѣ роли Пищика словечки, которые подсказываютъ: „восползъ зуйса“. Актеръ, наоборотъ, скорѣе смягчаетъ ихъ и этимъ художественно достигаетъ ординарности сосѣда-помѣщика.

Хорошъ Г. В. Сѣровъ — Епиходовъ. Облице едва ли не лучшее рядомъ съ другими. Интересная мимика. Правильность выписывается съ каждымъ новымъ дѣйствіемъ — вѣрный признакъ того, что актеръ овладѣваетъ ролью, вжи-

вается въ нее съ новымъ и новымъ спектаклемъ.

Если я правъ въ оцѣнкѣ новаго подхода къ пьесѣ у группы художниковъ, то В. Н. Васильеву слѣдовало бы также подчеркнуть въ Яшѣ одинъ изъ „грѣховъ“, рожденныхъ безалаберными послѣдышами барства — лакейское хамство, грядущій большевизмъ. Ровный и сравнительно мягкій тонъ актера скорѣе въ духѣ прежнихъ толкованій.

Какъ безконечно трудно играть студента Трофимова послѣ Качалова! А. А. Вырубовъ на третьемъ дѣйствіи переломилъ разочарованіе отъ двухъ первыхъ: далъ свое, естественное, молодое.

Постановка въ самой малой мѣрѣ связана съ условіями мѣстной сцены. Она лучше всего въ 3-мъ дѣйствіи, воплоти собственномъ, и слабѣе всего — во 2-мъ, гдѣ ревельская арка вѣтвей сада, условная по-старинному, мало гармонируетъ съ условной по-новому далью полей.

„Дядя Ваня“.

Второй спектакль москвичей — всецѣло въ духѣ пражскихъ, московскихъ спектаклей. Сказалась и меньшая, чѣмъ въ „Вишневомъ садѣ“, связанность ревельскими условіями сцены. Декорация двухъ среднихъ актовъ — очень красива.

Ровнѣе. Совершенство въ ансамблѣ и такъ же ярко въ рисункѣ отдѣльныхъ ролей.

М. Н. Германова — прекрасная, „русачная“ Эленъ. Основной тонъ — чеховское и германовское обаяніе женственности. И какъ хороши оттѣнки! Служа, досадная связанность нуднымъ старикомъ-музеемъ, почти невольное женское хищничество, ласковый самообманъ въ отношеніяхъ къ падчерицѣ, боязнь самой себя, своей любви къ Астрову.

Глядя на игру М. А. Крыжановской, сомнѣваешься, въ какой роли эта чуткая актриса выше: Варя изъ „Вишневого сада“ или Соня? Та и другая — ж и з н ѣ. Лучшей похвалы не найти. Въ объясненіи съ Астровымъ и съ мачехой, помимо жизненности, — исключительная душевность, свѣтъ внутренній.

Старуха Войницкая и няня Марина — женѣ яри.

Дядя Ваня — Н. О. Массалитиновъ. Вышепеченный образъ. Человѣкъ большихъ возможностей — прежде всего, засосанный провинціей — на второмъ планѣ толкованія. Это усиливаетъ Чехова. „Я могъ бы стать Шопенгауеромъ“ звучитъ не истерическимъ выкрикомъ, а страшной, утраченной правдой.

Крупнымъ, высокоталантливымъ мастеромъ характерности вновь показавъ себя послѣ Фирса П. А. Павловъ. Его „Вафля“-Телѣгитъ — совершеннѣйшее воплощеніе чеховскаго прижизнальщина. Улыбка, смѣшокъ, приниженные поклонны, старческий гомозъ и полувладѣніе жестами.. Не забудете.

А. А. Вырубовъ подошелъ къ роли доктора Астрова. Такому Астрову вѣрнѣе. И вѣрнѣе всему, что о немъ говорится и Соней, и Еленой. Вышность, лихорадочный взглядъ и провинціальная простота въ истинѣ — нѣтъ упрека.

Убѣдителей профессоръ, „ученая вобла“, въ исполненіи П. Ф. Шарова. Четкій, безъ утрировки тонъ. Удачно подмѣченныя интонація „сухара“, лекторствующаго даже дома, словно въ аудиторіи.

ЯРОСЛАВЪ ВОИНОВЪ.